

Экран
сцена -
- 1997 -
- 4 - 18
Лев.
ЗС. 4

Алексей съел ежа и потерял сознание. Будет ли он теперь летать? Таким вот вопросом задаются создатели спектакля "Повесть о ??? человеке" по известной всем нам с детства повести Бориса Полевого. Привез спектакль в Москву из Праги чешский кукольный театр с интересным названием "Бухты и лутки", что в переводе на русский звучит как "Будки и люди". Почему бы и нет, есть же "Хлеб и куклы" Питера Шуманна, разве что пражские куклы, в отличие от знаменитых собратьев, других масштабов, микроскопические. Театр из Праги молодой (родился в 1991 году), состоит из четырех актеров. Этот спектакль пятый. Играют на родине в клубах, на камерных сценах и для взрослой публики. В Москве же показали его в Чешском культурном центре и для очень небольшого круга зрителей, отчего-то не очень афишируя три этих представления.

Повесть Бориса Полевого в Чехии известна, ведь сам Полевой, будучи военным корреспондентом, вошел в сорок пятом в Прагу с частями Советской Армии. Спектакль же по этому произведению, видимо, стал для его создателей прорывом в некогда запретное, выплеском любви ко всему советскому. "Советский чело-

Мересев и лесной наронец

век", "засранец" – ряд этот продолжен еще кое-какими словами, причем, написанными на русском языке на сомнительных листах бумаги, что словно свиток раскручиваются на глазах у немногочисленной публики. Зрителей и не может быть много. Иначе они просто ничего не увидят. Получился незатейливый, полустуденческий спектакль, где задействованы перчаточные куклы, марионетки. Наличествует и живой план. Нет-нет, да и появляется лицо одного из актеров в шляме летчика – ясное, светлое и очень русское. А то и вовсе выходят артисты для разговоров со зрителями в антракте, крутят огромных размеров самокрутку, прикуривают от "вечного огня", утопают водкой, раздают бумажные бинокли-самодельки, бойко продают программки. Зрители же дают кто сколько сможет. Режиссер Иван Дыховичный, присутствовавший на спектакле, пожертвовал, например, десять тысяч российских рублей, кто-то выложил доллар, кто-то пять. Таковы правила игры, не очень увлекательной, впрочем.

И вот, наконец, перед нами – герой Советского Союза Алексей Мересев в кукольном облике, крошечных размеров. Актеры, сотворившие действо о легендарном советском человеке, по их признанию, подробно изучили все источники, расспросили видевших черно-белый фильм об этом летчике, отыскивали игрушки своего детства, привлекли иной подручный кукольный инвентарь и сотворили то, что сотворили. "Общего с литературной основой у него – все и ничего, действо буквально исторглось из

наших истордавшихся славянских душ", – такова их декларация. Исторглась, надо сказать, с большим опозданием, перестав быть актуальной. Когда б подобное прочтение нам представили лет десять назад, возможно, это прозвучало бы свежо и смело. Но у всякого свой ритм жизни и развития. Театр же именно сегодня попытался разобраться в истоках героизма, того, что есть само понятие "настоящий человек", вдоволь посмеявшись над советскими догматами.

Звучат знакомые всем нам песни военных лет. Ставни оконца, а это неряшливые размазанные картонки, какие только и встретишь где-нибудь в ярмарочном балагане, беспрерывно открываются и закрываются, разделяя сценическое повествование. А под оконцем, у самых ног зрителя, сидящего в первом ряду, – нечто вроде костра. На самом же деле, как выяснилось, это вечный огонь. Над оконцем спуют белочка и обезьянка – Мересев ведь находится в лесу. На долю обезьянки приходится важная роль повествователя, эдакого летописца событий. Вот она, словно комментатор Информбюро, сообщает публике о продвижении наших, то есть советских войск. Летят игрушечные самолетчики над картой. Гремят взрывы, идет стрельба. На войне, как на войне, настоящей-игрушечной. Так играют дети, веря в происходящее безоговорочно. Текст понятен, тем более, что актеры добавляют ключевые фразы на русском языке, придающие некоторый комизм происходящему на сцене.

Выполняя ответственное задание командования, Алексей на своем самолете падает в лесу. Зверюшки окружают героя, песенки поют, произносят фразы типа: "Чьи-то ноги еще теплые". Сказочный герой, приложив ухо к земле, многое бы услышал. Пражский Алексей тоже слышит голоса: "Наташа, будешь есть шашлык?" Зато сразу понимает: наши где-то рядом, на пикнике, очевидно. А обезьянка между тем нас не покидала. Благодаря ей мы были в курсе происходящего, ориентировались во времени и пространстве: сколько дней прошло, каково физиологическое состояние героя, что у него болит, голоден ли он. Герой действительно голодал, а потому, завидя ежа, прикончил его и "ням-ням" – жадно съел, даже колючки не помешали. Дальнейшие события нам изложили подробно. Желудок не выдержал такого питания, началось брожение с последующим облегчением у нас на глазах. А было так: белый лист бумаги с двумя мягкими округлостями "истек" струйкой крови, ежик выпетел, понятно откуда, и все стало хорошо.

Наконец, Мересев попадает в больницу, напоминающую клинику советского ученого Павлова. Отсюда, наверное, и зверье вокруг появилось. Сестричка, выхаживающая Алексея, по имени Клавдия Михайловна, – не женщина, а кошечка. В палате, где лежит Алексей, народ собрался тоже на редкость неурядный: Гвоздев, горевший в танке, чей жар до сих пор позволяет разогревать на самом танкисте чай; Бородач, что потерял сознание аж во время Гражданской войны и продолжает мысленно пребывать во временах Троцкого и Плеханова. Тут Алексею одевают новенькие протезы, и он возвращается в строй. Техника за то время, что он лечился, успела шагнуть далеко вперед. Теперь герой наш будет летать на хорошем новеньком самолетике. Такой вот странный сюжетец. В детской игре, конечно, возможно все – и понарошку и всерьез. Точно так же можно рассматривать нашу прошлую жизнь, в которой многое видится теперь анекдотичным. Но и тра-

гичным тоже. Трагизм же как раз и уходит из поля зрения актеров. Чешские газеты, писавшие о спектакле, усмотрели в нем сближение с лубком. Все именно так и могло быть. Но, увы, не произошло. Не хватило – класса, мастерства.

Спектакль был показан в рамках акции Посольства Чешской Республики в Москве под названием "Дни чешского театра". Пражский театральный институт подготовил выставку о работе чешских сценографов "Русская классика на чешских сценах" (следующей станет выставка, посвященная Московскому Художественному театру и чешской эмиграции). Показали и кино: "Белую болезнь" 1937 года по пьесе К. Чапека, "Шут и королева" В. Хитиловой по пьесе Б. Поливки, фильм об альтернативных театрах. Нынешние чешские театральные дни проходили под знаком союза драматургии и кино.

Светлана ХОХРЯКОВА